

Алексей Рыжков

ГАНИМЕД-6

ПРОСВЕЩЕНИЕ
—БОЕВИК—

Алексей Рыжков
Технополис

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161147

Ганимед-6: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-22936-9

Алексей Рыжков

ТЕХНОПОЛИС

Исход

Прошло почти десять лет с той поры, как я последний раз выходил из дома. Воспоминания уже потускнели, за это время я научился загонять их в глубины своего сознания. Но иногда, ночью, я все еще вижу отблеск луны на воронении ствола, вспышку. В ушах раздается гром выстрела, и я чувствую влагу на своих ресницах.

Для меня все кончилось после первой пули. Для Лоры — после второй. Я выжил. Ей не повезло. Хотя... Вряд ли можно назвать мою жизнь везением.

Я родился и вырос в Технополисе. Зовут меня Дерек Джеральд фон Кроуз. Имечко, конечно, так себе, но уж какое есть. Я занимаюсь программированием нанодвигателей. Это такие крошечные штучки, которые многие из вас носят у себя в крови. Еще нанодвигатели делают для города микроэлектронику, синтетическое мясо, лекарства, ну и еще множество всякой всячины. Если бы не работа, наверное, я бы не выжил. Страховки как раз хватило на лечение и на год вы-

нужденного безделья. Год – когда я слонялся из угла в угол, слушая бесконечный, затяжной выстрел и крик Лоры. Ее хоронили без меня. В тот день я лежал в большой белой палате, с кучей трубок и проводов. Нанодвигатели восстанавливали мою развороченную грудную клетку, сращивали мышцы, строили костную ткань. Работали они по моей программе – «Реколл, версия 2.5». Многие верят в судьбу. После того дня я тоже верю.

Реколл официально приняли в эксплуатацию двадцать четвертого июня, а на следующий день на моем счету появилась кругленькая сумма. Лора сама выбрала ресторан. После ужина мы прогуливались по берегу реки. Будущее казалось нам безоблачным, потепление климата, локальные конфликты и загрязнение окружающей среды – чем-то далеким и не имеющим к нам никакого отношения. Мы не заметили, как забрели в старые заброшенные доки. Там для нас все и кончилось. На следующий день нанодвигатели спасали мою жизнь, работая по алгоритму программы – «Реколл, версия 2.5».

Сегодня двадцать пятое июня – тот самый день. Я встал, как всегда, в восемь утра. Бреясь в ванной, послушал новости, потом рекламу новой фирмы по доставке чистого воздуха. Года три назад эти фирмы стали расти как грибы после дождя. Видимо, у них там, снаружи, и правда проблемы с

чистым воздухом. Я не знаю. Уже десять лет я не выхожу из дома. Стекла окон герметичны. Раньше работал кондиционер с фильтрацией. Теперь тихонько гудит вентилятор пневмопровода. Мне поставили его три года назад. Улыбчивый парень позвонил в дверь. На нем был ярко-синий комбинезон с названием фирмы, в руках электроотбойник.

– Сэр, вы будете ставить пневмопровод? Ваши соседи все поставили... – Он снова лучезарно улыбнулся. – Всего десять центов за кубометр. Прямо из Тибета, с высоты две тысячи метров. Чистейший горный воздух!

Как я понял, они гнали чистый воздух по пластиковым трубам в наш мегаполис. Здешний воздух насыщался углекислым газом, разной другой дрянью и расползался вокруг города, душа все живое. К черту все! Это не мои проблемы! Я сел в рабочее кресло и натянул сферошлем. Быстро ввел с виртуальной клавиатуры имя, пароль и оказался в локальной сети компании. Та-ак... Что на сегодня? На сегодня работы не было. Последний проект я сдал неделю назад. И пока заказов на софт для нанодвигателей не было. Меня это особо не волновало. Запросы мои скромны, и заработанного капитала хватит еще лет на пять. Еда, иногда одежда, немного выпивки. Вот и все, что мне нужно. Сейчас все покупки можно совершать не выходя из дома. Специальный лифт доставляет купленное в мою квартиру на сто восемнадцатом этаже. Интересно... Как там снаружи?

Неприятный сюрприз моя психика выкинула прямо в день выписки. Солнце пробивало лучами утреннюю дымку, пели птицы. Двое друзей заботливо поддерживали меня под руки, лечащий врач давал последние наставления. И вдруг все поплыло перед глазами. В голове загрохотало эхо выстрела. Я почувствовал, как подкашиваются ноги и вместе с тем появляется отчетливое желание бежать. Бежать вон от этого огромного синего купола. Скорее под спасительные своды, под потолок, спрятаться под кровать, где меня не достанет жестокость мира. Мира, в котором все может измениться в одну секунду помимо твоей воли. Мира, в котором ты смотришь сквозь кровавую пелену боли, как падает на грязную землю твоя любимая. Мира, в котором вдруг неожиданно грохочут выстрелы и на грани сознания слышится безумный смех обдолбавшегося торчка.

В тысячный раз я вынырнул из своего озера страха и понял, что стою у окна. Озеро страха. Так я это называл. Иногда я нырял в него, не успевая поймать самого себя. Тело застывало на месте или двигалось, а я барахтался там – в черной, вязкой воде, пытался сделать вдох или вынырнуть на поверхность. За толстым стеклом серело утреннее небо. Я уж и забыл, когда последний раз видел его голубым. Таким, каким его показывают по сферовизору. Какие-то острова, лазурное море. Мне это кажется таким далеким. Все, что у меня есть, – это две комнаты, кухня и ванная. Кабинет, вечно

неприбранная спальня и крохотный пяточок, где я готовлю себе еду. Иногда из натуральных продуктов. Стоит это очень дорого. Но я люблю готовить. Когда я делаю настоящий омлет – из куриных яиц и коровьего молока, что-то всплывает в моей памяти. Не четкие воспоминания, нет. Просто ощущение беспричинной детской радости. То, что я утратил после первого же выстрела.

Пятьдесят четыре миллиона. Именно столько людей окружают меня в этом огромном городе. Странно, но последние три года я все реже видел пролетающие по воздуху аэромобили. Сосед заходил, кажется, года два назад. По сферовизору все захлебывались: «Вам не придется выходить из дома, совершить покупку вы можете прямо из кресла. Принимаем на работу удаленных операторов пищевых синтез-установок. Недельный курс обучения через сферошлем, стабильный оклад, бесплатный выход в глобальную Сеть, поставки детоксинов за счет фирмы. Вам не нужно ходить на работу. Работа ждет вас в вашем любимом кресле. Подключайтесь прямо сейчас!» Я взглянул на улицу с высоты своего сто восемнадцатого этажа. Маленькие разноцветные пятнышки припаркованных аэромобилей, серая лента дороги для колесных авто. Одинокий светофор мерцал вдалеке никому не нужным зеленым. На меня опять навалилось одиночество. Я надоел своим друзьям примерно через год. Конечно, их можно понять. Кому я нужен – нервно вздрагивающий от

громких звуков, проваливающийся в свои страхи посреди разговора. Еще примерно год мы изредка общались через Сеть, а потом настоящих друзей заменили виртуальные. В Сети полно всяких мест, где можно пообщаться. Надеваешь сферошлем – и вот ты уже в аэромобильном клубе. Говорят, что длительное виртуальное обучение развивает навыки и на мышечном уровне. Не знаю, не проверял. Последний раз я сидел за руль аэромобиля лет десять назад. Тогда это еще была диковинка. Сейчас у меня есть «Поджигатель». Естественно, существует он только виртуально. Но я выиграл на нем уже с десятков гонок. На самом деле этот клуб – просто большая игра. Вступительный взнос – сто кредиток. За эти деньги ты имеешь дохлую базовую модель. Дальше все зависит от твоего мастерства и везения. Зарабатываешь очки, наворачиваешь свою тачку, треплешься с другими такими же фанатами. В нашем клубе «Дикие Койоты» в любое время можно застать десятков-другой ребят со всего мира.

Я наскоро приготовил сэндвич с синтетической индейкой, полил майонезом, накрошил сверху сублимированной зелени. Из холодильника достал банку пива и направился в кабинет. Поставив пиво и тарелку с сэндвичем на консоль, уселся в кресло. Нельзя назвать сферошлем полной виртуальной реальностью, но очень близко. При желании можно включить встроенные в кресло приводы, и тогда воздействие на вестибулярный аппарат обеспечено. Конечно, при работе это ни к чему, а вот когда мчишься в аэромобиле по большому

каньону, да еще и на максимальной скорости...

В «Диких Койотах» каждый выбирает имидж под статью своей фантазии. Кто-то выглядит как безобидный юнец (очень удобно усыплять бдительность противников перед гонкой). Кто-то носит очки-консервы и кожанку образца девятнадцатого века. Всеобщая любимица, конечно, Кэнди. У девочки действительно есть на что посмотреть. Если, конечно, она и на самом деле девочка. Не исключено, что за внешностью пухленькой и приятной во всех отношениях Кэнди прячется какой-нибудь сорокалетний механик из Детройта. Во всяком случае – в тонкой настройке плазменных двигателей ей нет равных. У меня в клубе репутация этакого немногословного, чуть отстраненного парня. Там я ношу светло-голубые «Ливайсы», коричневую куртку из толстой замши и высокие армейские ботинки. На левом рукаве красно-желтый язык пламени (отсюда и ник, и название тачки). Дополняют картину черные очки, ястребиный нос и неизменная красная кепка. А на работе я появляюсь всегда в белой футболке с надписью SHIT и драных шортах.

Это страшно бесит моего шефа – Дженкинса. Именно поэтому я и создал такой имидж. Мое лицо осталось в памяти компьютера компании с тех времен, когда я еще ходил в офис. Меня как сняли 3D сканером двенадцать лет назад, таким я и остался в глазах потолстевших и полысевших коллег.

Я дожевал сэндвич, запил его пивом и натянул сферопшлем. На данный момент в клубе было шестнадцать человек. Я поздоровался с Ахиро. Старик возился со своим «Камикадзе» – барахлила система вертикальной тяги. Поболтав чуток с японцем, я направился к своему боксу. Набрал личный код, и ворота открылись. Каждый день сталкиваясь с программным кодом, я отлично понимал, что на самом деле я не открываю ворота бокса, а лишь получаю доступ к подпрограмме моего аэромобиля. Точнейшей математической модели симулятора. Все эти подпрограммы собирались в одно целое, представляя для нас наш клуб. С его сумасшедшими гонками по придуманным трассам, отчаянными пари, неожиданными поломками, вносимыми программой на основе генератора случайных чисел. Порой я завидовал остальным. Они воспринимали все как есть, не вникая в тонкости математического моделирования и алгоритмов. Мне иногда приходилось заставлять себя верить. Верить в то, что Кэнди действительно прохаживается вдоль боксов, виляя бедрами. И никакая это не программа расчета графического образа. Я нажал кнопку запуска, мой «Поджигатель» завыл низким басом. Управление аэромобилем было довольно простым. Обычный руль, две педали: ускорение, торможение. Слева ручка вертикальной тяги. Я чуть потянул ручку вверх, и «Поджигатель» поднялся на десяток сантиметров. Плавно нажав правую педаль, я вывел машину из бокса. Сегодня вокруг была пустыня. Над головой по-

лыхало ярко-белое солнце, синий небосвод контрастировал с желто-оранжевыми дюнами. Я включил режим внешнего вида и невольно залюбовался своим огненно-красным красавцем на фоне песка. Серебристые капли боксов блестели на солнце, переливаясь, словно мыльные пузыри. Фигурки людей, яркие лоскуты командных флагов, проносящиеся со шмелиным жужжанием пестрые аэромобили. И вокруг всего этого – бесконечное песчаное море. Вернувшись в режим вида из кабины, я прибавил скорость и помчался в метре над землей. Вот за это я готов снять шляпу перед создателями «Диких Койотов». Чтобы забыть обо всем, мне требовалось обычно секунд тридцать. За такой короткий отрезок времени я полностью отдавался ощущению полета. Двадцатиканальный звук, обеспечение периферийного зрения, кинетический привод кресла, руля и педалей. Сейчас я был «Поджигателем». Мои руки в кожаных водительских перчатках сжимали руль, покрытый специальной пористой резиной. Перед лобовым стеклом хищно изгибался ярко-красный капот, скрывающий шестьсот двадцать киловатт мощности. Это по-старому – почти восемьсот пятьдесят лошадаков. Вдавлив педаль в пол, я рывком бросил аэромобиль вперед, чуть потянул рычаг вертикальной тяги и быстро достиг высоты двести метров. Это для моего «Поджигателя» потолок. Гул двигателя и свист встречного ветра, а вокруг лишь синь неба и бесконечные дюны внизу. Сейчас мне абсолютно наплевать, что в моем распоряжении лишь тридцать восемь квад-

ратных метров жилого пространства. Что последний раз я ступал на мостовую десять лет назад. Теперь я живу здесь – в Сети. И, судя по всему, многие уже давно следуют моему примеру...

Пролетев пробный круг, я остался доволен аэромобилем. Все оборудование работает безупречно, настройка двигателя идеальна. Это Кэнди. Вчера она долго возилась с моим двигателем, пока я настраивал ее маршрутный компьютер. У нас уже давно существует этот союз. Она подстраивает мне движок – я вожусь с ее электроникой. Подлетев к боксам, я нажал педаль реверса. «Поджигатель» встал на дыбы и резко сбросил скорость. Утопив ручку вертикальной тяги, я пошел на снижение. На стартовой линии стояло с десяток машин. Ахиро со своим «Камикадзе» был уже тут. Сегодня решили гоняться по схеме «питстоп». Этот тип гонки мы придумали недавно. Кто-то нарыл в Сети описание популярных в двадцатом веке гонок «Формула-1». Посоветовавшись, мы решили стартовать с десятипроцентным заполнением баков. Когда топливо кончалось, каждый гонщик был вынужден приземляться для дозаправки на расположенных вдоль трассы питстопах. Я завис на высоте метр и медленно полетел к стартовой линии. Заняв свою позицию, я мягко опустил аэромобиль на песок и выключил двигатель. До старта оставалось еще несколько минут, и я, сняв сферошлем, отхлебнул пива. На старинных настенных часах было одиннадцать

тридцать утра. Эти часы принесла Лора – они достались ей от бабушки. Внутри была архаичная батарейка на полтора вольта – такие до сих пор выпускают в некоторых странах, но в нашем городе найти подобную штуковину непросто. В конце концов я поставил в часы термозаряжающийся элемент и закрыл эту тему. Солнце поднялось достаточно высоко и выглянуло из-за соседнего небоскреба. Оно уже давно не было ярким. Дыхание города отгораживало людей от жарких, ласкающих кожу лучей. Помню, лет пять назад по сферовидению подняли шумиху о загрязнении городского воздуха, о недопустимости массовых выбросов, о парниковом эффекте, и все такое. Пошумели пару месяцев, и все затихло. Роботизированные фабрики продолжали работать, теплоотводы пытьеть трубами, городу нужно жить. Пятьдесят миллионов человек не могут одновременно перестать есть, пить, одеваться, делать бесконечные покупки и выбрасывать тонны мусора. Сферошлем тихонько пискнул – до старта одна минута. Я с удовольствием натянул шлем, отгораживаясь от неприятных мыслей. Меня ждала гонка – свист ветра, адреналин, упругий руль в руках и синее небо.

Сигнал старта, как всегда, прозвучал неожиданно и резко. Сколько ни готовишься, а все равно кажется, что запаздываешь на долю секунды. Я вдавил педаль и одновременно потянул ручку вертикальной тяги. Рискованный шаг. Мощность двигателя делится сразу по двум векторам, и тот, кто пред-

почел остаться у самой земли, обычно вырывается вперед. Но на высоте сто-двести метров сопротивление воздуха на скорости в тысячу километров меньше, а значит, можно набрать большую скорость. Если бы все было так просто... Через пару минут впереди показался первый чекпойнт. Квадрат из светящихся огней со стороны пятьдесят метров на высоте двадцати метров от земли. Рядом со мной летел «Камикадзе» Ахиро, и мы уже почти нагнали остальных. Вдавлив ручку вертикальной тяги, я резко пошел на снижение. Мой излюбленный маневр – «горка поджигателя». Задний горизонтальный стабилизатор на моем аэромобиле был управляемым. Потянув нужный рычаг, я направил нос «Поджигателя» вниз и с воим устремился к земле. «Привет, ребята!» При моем приближении нервы выдержали не у многих. Особенно пострадали новички. Они прыснули в разные стороны от пикирующего ярко-красного «Поджигателя», кажется, парочка даже промахнулась мимо чекпойнта. На огромной скорости я прошмыгнул в створки, на экране появилась цифра 1 – первый пройден. Маршрутный компьютер нарисовал на экране жирную стрелку влево и высоту 120. Я вывернул тугой руль, поднял нос машины и бросил мимолетный взгляд на уходящие вниз дюны. На этом все и кончилось. Внезапно наступила темнота и ватная тишина зазвене-ла в ушах. Что такое? Обрыв связи? За все десять лет я такого не припомню. Я почувствовал запах паленой пластмасы и еще другие характерные запахи. Так воняет только сто-

ревшая электроника. Сорвав шлем, я бросился к трансиверу. Над ним красноречиво вился сизый дымок. Обалдевший, я стоял над серебристым блоком со шлемом в руках, словно средневековый рыцарь над внезапно павшим ни с того ни с сего боевым конем.

– Что делать? – вслух спросил я сам себя. Сферошлем был единственным моим средством связи с внешним миром. Через него я покупал еду и одежду, платил за квартиру и зарабатывал деньги. Черт возьми! Я все делал с его помощью. С досады я влупил себе по коленке. За десять лет не удосужиться купить запасной блок! Идиот! Я глубоко вдохнул, пытаюсь успокоиться и побороть накатывающую панику. «Что делать? Что делать?..» – билось у меня в голове. Я так привык к закрепленному у стены блоку трансивера и тянущимся от него проводам к сферошлему, креслу и манипуляторам управления. Мне казалось, все это было тут вечно. Незыблемо и постоянно, как пирамида Хеопса. Я ведь даже не стирал с трансивера пыль. Я смотрел *на него так же, как на стену*. Просто скользил взглядом, не задерживаясь на деталях. А ведь я купил его пятнадцать лет назад. Мы с Лорой только поженились. Это была моя первая и последняя покупка, когда Лора чуть надула губки. «Зачем нам такая дорогая вещь?» «Это будущее, Лора, – ответил я ей, – надо идти в ногу со временем». В офисе у меня тогда стоял обычный виртуальный терминал. Пятнадцать лет... М-да-а. Пора бы уже и сломаться.

В тот день, двадцать пятого июня, я потерял часть своей памяти и взамен приобрел агорафобию в жесткой форме. Из больницы меня привезли домой спящим на носилках. Вка- тили хорошую дозу снотворного, и проснулся я уже на сво- ей постели. Я не виню врачей. От психиатрической клиники я отказался, а держать меня бесконечно в боксе нанохирур- гии они не могли. Я не считаю себя сумасшедшим. Мне про- сто не повезло. Не повезло фатально. Согласитесь, в одну се- кунду потерять все, что дорого, и получить взамен бесконеч- ный, подкашивающий страх. Но я научился жить с этим. Мож- ет, кому-то моя жизнь в четырех стенах и покажется бес- просветной и серой. Но я привык. Привык смотреть на мир через толстое оконное стекло или через сферошлем. Кстати, через сферошлем мне нравится больше. Там яркие краски и богатые звуки. А за стеклом лишь серая тусклость и ред- кий приглушенный гул. Теперь я стоял посреди кабинета с бесполезным шлемом в руке и думал, как мне быть дальше. «Выпью текилы», – принял я историческое решение. Я не очень люблю крепкие напитки. После того дня не могу пить больше одной-двух порций. Сразу начинает раскалываться голова, накатывает тошнота. В общем, эта бутылка текилы стояла в кухонном шкафчике уже лет восемь, может, боль- ше. Кажется, ее принес Джек. Это еще в те времена, когда ко мне заходили друзья. Тогда я еще называл кабинет го- стинной. Мы так и не раскупорили бутылку. На меня нака-

тила хандра, я барахтался в своем озере страха, а Джек все пытался вытащить меня, болтал без умолку, травил свежие анекдоты. Потом встал с кресла, похлопал по плечу и со словами «Поправляйся, дружище» ушел. Больше он не приходил. Трясущимися руками я достал бутылку и чистый стакан. Пить текилу из такой посуды – настоящее варварство, но мне сейчас было не до условностей. Откупорив бутылку, я налил убойную порцию и, зажмурившись, выпил. «Что же делать?» – спросил я у кухонного шкафчика и налил себе еще. После второй порции мне неожиданно стало легче. Не в смысле, что созрело какое-то решение, а просто стало наплевать. И так... «Есть проблема? – обратился я к столу. – Сгоревший трансивер и моя чертова агорафобия». То, что это так называется, я узнал от доктора Гринсби. Его привел Дженкинс. Очень хороший специалист. Двести кредитов в час в его кабинете, пятьсот на выезде. Куча научных степеней и наград. Мой шеф был чрезвычайно озабочен. На мне повис проект стоимостью два миллиона, и, разумеется, фирма не могла терять такие деньги в связи с болезнью одного несчастного программиста. Потом в офисе поставили трансиверы для сферосвязи, и проблема разрешилась сама собой... Я налил третью порцию и с комфортом разместился за столом. Теперь я не собирался торопиться. Напьюсь... И все дела! Странно, но голова не болела. Да и никакой тошноты я не ощущал. Может, перескочил через две ступеньки? Внезапно мысли от анализа моего алкогольного опьянения

перешли к теме болезни. А с чего я, собственно, решил, что не могу выйти из дома? По крайней мере до двери Дьякофа я смогу пройти. Дьякоф – это мой сосед. Последний раз я видел его пару лет назад, он заходил занять денег. Странный парень, и имя у него странное. В нашем секторе этажа всего две квартиры. Моя – в конце коридора, его – ближе к лифту. Я допил текилу и подошел к двери. Последний раз я открывал ее два года назад. «Надеюсь, петли не заржавели», – хихикнул я и храбро отодвинул задвижку замка. Приоткрыв дверь, я высунул голову и ощутил себя сродни Колумбу, открывающему Америку. В коридоре было сумрачно и пыльно. «А вдруг грохнусь в обморок посреди коридора?» – кольнула мысль. «Не грохнешься», – заявил кто-то внутри, уверенный и наглый. Я открыл дверь настежь и застыл на пороге, прислушиваясь к своим ощущениям. «Дойду», – решил я и сделал шаг. Моя нога, обутая в белую кроссовку «Найк», припечатала слой коридорной пыли, словно ботинок Армстронга лунный грунт. «Десять лет!» – сказал я громко. Но это еще не повод, чтобы не убирать тут. Я оглянулся. За порогом была моя, такая родная конура. Мое убежище, в котором я провел десять лет. Я двигался как во сне. Еще это было похоже на шаги водолаза на большой глубине. Мне казалось, что мои движения замедленны и плавны. А может, я дергался, как лягушка с подключенными электродами. В общем, так или иначе я добрался до двери Дьякофа и позвонил в звонок. Чувствовал я себя, как герой битвы при Фермопилах. Где

фанфары, лавровый венок и все такое? Я снова позвонил. Никакого эффекта. Может, он съехал? Я посмотрел под ноги. Вокруг порога квартиры Дьякофа был такой же слой пыли, как и у меня. В двух метрах слева была дверь пассажирского лифта. Внезапно в мозгу возникло видение. Разъезжаются створки лифта, а за ними огромный силуэт. Кто-то с револьвером в руке. И ствол направлен прямо на меня. Я сцепил зубы. Ощутил мелкую дрожь в коленках. Казалось, ноги готовы бежать при первом импульсе мозга. Всего десять метров, и я снова у себя. Просто захлопнуть дверь – и никаких силуэтов, никаких револьверов. Че-ерт! Я не для этого вышел. Ну, револьвер? Ну, курок? Ну, пуля? Дальше-то что? Смерть? Так я уже, можно сказать, давно мертв. Все, что у меня было, я потерял. Даже себя. Кто я? Меня зовут Дерек, я программирую нанодвигатели. Десять лет назад в меня выстрелил обдолбанный нарк. Он убил мою жену Лору и меня. То, что я хожу и дышу, совсем не означает, что я жив. Я даже не помню, как я ходил в школу. Как звали моих родителей, мне сказали мои друзья... Бррр... Стоп. Какой револьвер? Кажется, я вынырнул на поверхность. Я стоял посреди коридора перед закрытой дверью Дьякофа, и меня била мелкая дрожь. «Если сейчас вернусь, – понял я, – больше никогда не выйду. Так и умру в своей конуре. Возможно, даже превращусь в скелет, прежде чем меня найдут. Судя по работе наших коммунальных служб, весьма реальная перспектива». Я повернулся и на деревянных ногах подошел к лифту. Се-

кундное замешательство, и я нажал кнопку вызова. К моей радости, что-то там в шахте загудело, залязгало, в общем, кажется, лифт пошел.

В кабине лифта было большое зеркало. Всю его поверхность давно исцарапали и исчеркали маркерами. Но все ж остался небольшой участок, в котором я смог разглядеть свое размытое отражение. Старые джинсы, распахнутая клетчатая рубашка. Под ней черная футболка с надписью Firestarter – я как-то заказал ее в одной фирмочке. Лицо выглядело просто бледным неясным пятном. Последние десять лет прическу я носил незамысловатую. Раз в месяц надевал на лазерную бритву специальную насадку и брил голову наголо. Я растерянно похлопал себя по карманам – ни документов, ни кредитной карты, ни ключей от квартиры. В левом кармане рубашки нашлась лишь клубная карта «Диких Койотов». В ней было мое настоящее имя и фотография. А еще я не закрыл дверь квартиры. Ну и черт с ней! Судя по всему, на наш этаж никто не заходил уже пару лет, точно. В вестибюле было чуть менее пыльно, чем на сто восемнадцатом этаже. Но здесь тоже царил сумрак и запустение. У стойки охраны никого не было. Но огоньки камер слежения включены. Кадка с пальмой исчезла, а стекла больших окон стали грязными и плохо пропускали свет.

– Эй, – тихо позвал я. Мой голос глухо прозвучал в ватной тишине. Я сделал несколько шагов и плюхнулся в кресло для гостей. Когда я последний раз был здесь, в помещении было

полно народу. В этом кресле сидел толстяк с двадцать восьмого этажа и курил свои неизменные вонючие сигары. Возле стойки охраны толклись парни с пятнадцатого. Они уговаривали Макса показать новый «Кольт-Электра 218». Кто-то из гостей терпеливо ждал девушку, приглашенную на свидание. Старушки болтали в углу вестибюля, на старом диване, осуждая легкомысленную молодежь. Давно это было... Я прислушался к своим ощущениям. Три убойные порции текилы, похоже, все еще действовали. Во всяком случае, никакого страха я не испытывал. Скорее любопытство. Я поднялся с кресла и прошел к двери, ведущей в коридор служебного сектора. Она была заперта. На бумажке, наклеенной на дверь, был указан электронный адрес охранной фирмы. Я хмыкнул. Похоже, теперь и охранники работали, сидя дома. Еще раз оглядев вестибюль, я быстро пересек его и застыл у большой входной двери. Сквозь ее грязное стекло был виден серый асфальт тротуара и небольшие желтоватые лужицы у бровки. Мне очень хотелось открыть эту дверь. И вместе с тем было страшновато. Я понял, что боюсь не столько приступа агорафобии, а того, что моя надежда побороть болезнь не оправдается. Я сосредоточил все внимание на своей руке, сжимающей потрескавшийся никель дверной ручки. Сделал глубокий вдох, толкнул дверь. Она открылась, и я шагнул на тротуар.

Надо мной было серое небо. Когда-то сверкавшие на солн-

це зеркальные окна соседних небоскребов сейчас были похожи на тусклые стальные пластины, изъеденные временем и кислотными дождями. Пахло какой-то химией и дымом. На нашей двадцать восьмой улице не было ни души. В старых фильмах по пустынным улицам ветер несет скомканные газеты. Газет не выпускают уже лет двадцать. Поэтому ветер просто наводил рябь на лужицах да чуть подвывал в стабилизаторах, стоящих у обочины аэромобилей. Я посмотрел на часы. Было без десяти двенадцать. Чему я удивляюсь? Сейчас все работают. Работают в своих креслах. Надев сферошлемы, люди управляют сборочными станками, транспортными роботами и другими машинами, которых наплодилось в последнее время так много. Я настолько был ошеломлен пустотой улицы, что и думать забыл о своей агорафобии. Одно дело смотреть на пустую улицу с высоты, другое – стоять посреди этой улицы и слушать одинокое завывание ветра. Это что же получается? Десять лет я сидел в своей конуре, загнанный и одинокий. Завидовал всем остальным, потому что они могут спокойно закрыть дверь своей квартиры и направиться куда угодно. А эти остальные практически добровольно заперли себя в своих креслах, отгородились сферошлемами и не высовывают носа на улицу. Куда мы катимся? Внезапно я увидел вдалеке человека. Быстрой походкой он двигался в мою сторону. Метров за сто от меня прохожий нырнул в дверь под неоновой вывеской. Бар? Я почти бегом направился туда же. Запыхавшись, я толкнул звякнув-

шую колокольчиком дверь и ввалился в бар. Пару секунд мне понадобилось, чтобы глаза привыкли к полутьме маленького зала. Слева была стойка, справа стояло несколько столиков. Незнакомец, которого я видел, сидел на высоком табурете у стойки. На нем был длинный темно-серый плащ и черная блестящая шляпа. Он как раз собрался снять ее, когда появился я. Бармен, высокий, могучий брюнет с крупными чертами лица, удивленно вскинул брови, уставившись на меня. Незнакомец застыл, взявшись рукой за широкие полы шляпы. Видимо, приняв решение, он шутливо отсалютовал мне и положил шляпу на стойку подле себя.

– Кажется, у тебя клиент, Дон.

– Не очень-то он похож на клиента.

– Может, он ищет магазин электроники?

– Скорее всего. Наверное, сгорела плата любимого трансивера.

Они говорили обо мне, словно меня здесь нет. Я вдруг почувствовал легкую досаду. Сегодня день моего триумфа, я чувствовал себя героем. Героем, поборовшим самого страшного и сильного врага – самого себя. А тут неуместный сарказм. Впрочем, они ведь были недалеко от истины.

– Текилы! – громко сказал я и уселся на табурет у стойки.

Дон налил мне порцию, пододвинул блюдечко с настоящим лимоном и солью. Я выпил, грохнул стеклянным цилиндром о стойку и завыл в потолок.

– Что с тобой, парень? – поинтересовался бармен.

– У вас тут отпускают в кредит?

– Первые три порции за счет заведения.

– Еще текилы, – потребовал я и стал рассказывать.

Внутри меня как будто плотину прорвало. Я ведь не разговаривал с людьми почти десять лет. После того дня меня словно заковало в панцирь. Ничего не мог ни в себя впустить, ни выпустить наружу. А тут я словно с цепи сорвался. Я рассказал все. Про Реколл, про Лору, про агорафобию. Рассказал совершенно незнакомым людям. Просто чувство было такое, что если все расскажу, то сброшу с себя чертов груз. Стану свободным.

– Да... – бармен покачал головой, когда я закончил.

– Нельсон, – представился незнакомец и продолжил: – Скоро, парень, от этой твоей агорафобии придется лечить весь город. Ты посмотри вокруг. Улицы пусты, с неба вместо дождя льется желтая гадость. Выйдешь на улицу без прорезиненной шляпы, облысеешь или экзему подхватишь. Воздух грязный, вонючий, а люди сидят по домам, втыкаются в свои сферошлемы чертовы. Никому ни до чего нет дела.

– Ну все, ты завелся, Нельсон. – Бармен подмигнул мне и принялся вытирать полотенцем стойку.

– А властям плевать. Эти ублюдки ведь не в городе живут.

– А где?

– А черт их знает. Но точно не в городе. Там, наверное, живут, где еще воздух чистый остался. И вода. Бежать надо из этого проклятого города. Бежать, куда глаза глядят.

– Нельсон, а вы тогда почему здесь?

– А мне смысла нет никуда дергаться. Мне от силы полгода осталось. Рак. А денег на микрохирургию у меня нет.

– Да не все в городе так плохо, амиго, – успокоил меня Дон. – В центре есть парк под стеклянной крышей. Там настоящие деревья, озеро. Птицы живут. Я каждое воскресенье туда хожу. И тебе советую. Если раз в неделю в парк ходить, потом можно дальше жить. Еще неделю.

Я поблагодарил Дона за выпивку и вышел из бара. Домой идти совсем не хотелось, ведь я только начал заново познавать внешний мир. Я посмотрел на серое небо. Будет дождь или нет? Я и не думал, что экология города так испортилась за последние десять лет. Конечно, воздух в городе никогда не был особо чистым. Но чтобы такое. «Ладно. В случае чего спрячусь где-нибудь», – подумал я и пошел в направлении центра. Через три квартала я увидел пункт проката автомобилей. На бетонной площадке, огороженной ржавой сеткой, стояли два десятка разноцветных машин. На воткнутом в землю шесте красовался рекламный щит: «Прокат автомобилей. Широкий выбор моделей. От 10 кредитов в сутки». Цифра 10 была нарисована от руки и закрывала собой цифру 200. «Как цены упали», – порадовался я и направился к офису проката, намереваясь попялиться на настоящие современные автомобили. Когда до двери оставалось метров десять, она вдруг неожиданно распахнулась и на пороге показался низенький смешной толстяк.

– Клиент?! – завопил он.

– М-м-м, – замялся я. На самом деле я не был уверен, нужен ли мне сейчас аэромобиль. Я ведь просто собирался прогуляться до центра. Да и все документы остались дома. И кредитка!

– Видите ли, у меня из документов только клубная карта, – издали начал я. – Да и кредитную карту я дома забыл.

– Вы помните номер вашего банковского счета? – толстяк приплясывал на крыльце.

– Ну, да.

– Давайте вашу клубную карту.

Смущенный напором, я протянул карточку.

– «Дикие Койоты!» – заорал он и подпрыгнул. – Какой?! Какой у вас ник?

– «Поджигатель».

– О господи! «Поджигатель»! А я «Железный Майк». Помните, я уделал вас в Токийской гонке. Вы пришли вторым. Я подрезал вас на последнем круге. А потом вы сделали меня в Сахаре. Помните?

Толстяк закружился вокруг с моей картой в руках и исполнил какой-то безумный танец.

– Франческо Доллиньё, – протянул он мне руку.

– Дерек.

– Сэр. Я подберу для вас лучшее, что у меня есть. Конечно, не ваш знаменитый «Поджигатель». Но у меня есть «ФОРТУНА-3000». Триста киловатт, потолок двести пять-

десять метров, скорость восемьсот километров в час. Подойдет?

– Э-э-э. Я вообще-то не собирался никуда лететь.

– Да бросьте, мистер Дерек. Когда еще у вас появится такая возможность? Сто кредитов в сутки. «ФОРТУНА-3000». А?

– У вас ведь написано 10.

– Ну да. Десять за полные развалюхи. Да и их никто не берет. Бизнес летит к чертям, Дерек. Люди сидят по домам, напялив сферошлемы. Никому никуда не надо лететь. Все совершается из теплого кресла. Путешествия, покупки, работа. Знаете, что? – толстяк заговорщицки понизил голос: – Берите за сто кредитов на неопределенный срок. Вернете, когда накатаетесь.

– А что и правда никто не берет?

– Один-два клиента в месяц! Когда я начинал свой бизнес, было два десятка в день. Теперь большую часть времени я сам сижу с этим дурацким шлемом на голове. А что еще делать? Люди уходят в Сеть. Первое время у меня еще получалось заманить клиентов из клуба полетать вживую. А сейчас уже нет. Народ вконец обленился.

– У меня нет с собой кредитки, – я пустил вход свой последний козырь. Этот козырь был не столько против Франческо, сколько против меня самого. Мне чертовски хотелось сесть за руль настоящего аэромобиля.

Попробовать вспомнить, как это. Прямо сейчас! Но это

страшно напоминало подростковое безрассудство. Никаких документов с собой. Какой-то странный прокат с полубезумным хозяином. Можно ведь спокойно вернуться домой. Переодеться, взять документы, кредитку. Но я боялся возвращаться. Вдруг я больше не смогу выйти? Прекрасный сон, в котором я спокойно разгуливаю по улицам, кончится, я снова проснусь в своей конуре. И буду тоскливо смотреть сквозь грязное окно на серое небо.

– У меня есть сканер сетчатки! Вы подключитесь к банку и переведете деньги.

– Ух... – только и смог выдать я.

После перевода денег Франческо еще больше повеселел.

– Может, пропустим по стаканчику?

– Спасибо. На сегодня я свою норму уже перевыполнил.

Через несколько минут мы были на стоянке. «ФОРТУНА-3000» была и правда хороша. Плавные обводы корпуса, стремительные линии, хромирование. Ярко-желтый автомобиль напоминал по виду старые спортивные автомобили. Отличие заключалось лишь в отсутствии колес и развитых горизонтальных стабилизаторах. Толстяк приплясывал вокруг и трещал без умолку:

– Водородный бак полный, техосмотр был месяц назад, пробег всего пятьсот восемнадцать часов – машина в прекрасном состоянии!

Я открыл дверцу и сел за руль. Вот чего не хватает в сферошлемах. Запаха!

Внутри салона пахло дорогим пластиком, кожей и скоростью. Я положил руки на руль – толстый, упругий и одновременно мягкий. Франческо позвенел ключами.

– Счастливого пути, мистер Дерек. – Он протянул мне ключи и аккуратно захлопнул герметичную дверцу.

Правду говорят насчет мышечных навыков. В виртуале я налетал уже часов семьсот, и «Фортуна» в управлении не вызвала у меня никаких проблем. Я завел двигатель, включил режим интенсивного прогрева, а потом потянул ручку вертикальной тяги вверх. Поднявшись на сто метров – под самый свод серого тумана, я плавно нажал правую педаль и полетел над городом. Вот теперь я понял, насколько сферошлем обкрадывает нас. Ощущение реального полета не шло ни в какое сравнение с виртуальным. Все равно что пить настоящее виски или суррогат. Я закладывал лихие виражи между небоскребами, скользил над улицами, то опускаясь к самой земле, то пролетая впритык над крышами двадцатиэтажек. «Хочу увидеть голубое небо! – внезапно решил я. – И солнце. Яркое, жаркое, такое, каким оно было раньше». Запас хода «Фортуны» – 1200 километров. Долететь до границы города и вернуться – для меня плевое дело. За время полета над городом я встретил всего пару аэромобилей. Один прошел перекрестным курсом и сразу исчез из виду. Другой просвистел мне навстречу, поморгав навигационными огнями в знак приветствия. Я вытянул ручку вертикальной тя-

ги и набрал потолок. Но даже на высоте двести пятьдесят метров висел многолетний, удушающий смог. Хорошо, что система забора наружного воздуха была снабжена фильтрами. Наш мегаполис простирался на двести километров. Даже для «Фортуны» это было почти пятнадцать минут лету. От центра до окраины я долетел за семь минут. Маршрутный компьютер мигал надписью «Граница города», а я лишь вдавливал педаль в пол, стремясь поскорее вырваться за пределы серого тумана. Перед лобовым стеклом была сплошная пелена, я уже испугался – решил, что весь мир покрылся этим чертовым смогом, и вдруг колышущийся липкий занавес пропал и передо мной засияло во всем своем великолепии синее июньское небо. Было почти двенадцать, и солнце приближалось к зениту. Оно проникло своими яркими лучами в салон, высветило золотом летающие внутри пылинки. Я прищурился от яркого света. Подождал, пока попрыгнут глаза. Подо мной была тускло-зеленая равнина. Говорят, когда-то тут был дремучий лес и река. Теперь реку полностью поглощает промышленность города. Вялый водный поток втекает в город с севера и постепенно истончается – всасываемый бесконечными стальными трубами водозаборников. На юге теперь осталось лишь старое засохшее русло. Я чуть повернул руль влево и ввел «Фортуну» в легкий крен. Внизу змеилась песчаная полоска старого русла реки. По слухам, к югу от Технополиса тянулись тысячи километров иссушенной земли. Истерзанной, выпотрошенной чело-

веком. Этого никогда не говорили в новостях по сферовидению. Зачем волновать общественность? Сейчас, с высоты двести метров, я видел лишь бескрайнюю серо-зеленую пустошь, тянущуюся к югу до горизонта. Говорят, обыкновенная трава давно мутировалась. Сейчас ее хоть мазутом поливай – выживет. Но и проку от этой белесо-зеленой отравленной травы мало. Я вздохнул и развернулся на 180 градусов. Посмотрю, как там дела на севере. Полет на максимальной высоте продолжался пятнадцать минут. В память маршрутного компьютера были внесены все небоскребы. Примерно за три километра звуковой сигнал предупреждал меня о приближении высоты и подсказывал градус поворота для облета. В чертовом тумане ничего не было видно – я шел вслепую на большой скорости, и мне было не по себе. В «Диком Койоте» мы никогда не летали в таких условиях. Видимо, людям и в реале до чертиков надоел серый смог. На гоночных трассах всегда было чистое небо или легкий дождик. Зазвучал зуммер, и на экране возникла надпись «Граница города». Я с облегчением вздохнул. Как и в прошлый раз, «Фортуна» стремительно выскочила из дымки, и я опять на секунду ослеп от яркой голубизны и сияющего солнца. Боже, как красиво! Километрах в двадцати по курсу темнели величественной зеленью горы. Кое-где на пиках блестели шапки снега. Там была дикая, нетронутая природа. Чистые ручьи, птицы, сосны. Меня, словно магнитом, потянуло туда. Я ничего не мог с собой поделать. Просто руки на руле отказывались повиновать-

ся – никуда я не мог повернуть. Как замороженный, я смотрел на приближающийся пейзаж, и на глаза наворачивались слезы. Буквально через три минуты я уже был в предгорьях. Тут еще виднелись следы деятельности человека: оранжевый экскаватор валялся на боку, пирамиды из сотен ржавых бочек. Снизив скорость, я осторожно летел на высоте двадцати метров. Пока внизу была поникшая трава и покореженные деревья. Сосны были похожи на раскоряченных инвалидов. Обыкновенные березы походили на своих карликовых сородичей из тундры. Кошмар! Вот что могут сделать несколько миллионов человек с окружающим пространством на многие километры. Я надеюсь, что дальше в горах не все так загажено. Осторожно лавируя по узким ущельям, я углубился в горы километров на тридцать. Постепенно природа стала меняться к лучшему. Трава позеленее, сосны постройнее. «Сюда мы еще не забрались. Здесь мы еще не успели отравить воду и воздух, – думал печально я. – Может, и к лучшему, что люди наконец закрылись в своих квартирах. Может, самое нам там и место? Пусть каждый сидит в собственной конуре, а траве и деревьям без нас даже лучше. Что уж говорить о птицах и животных?» Внезапно я заметил, что звук двигателя «Фортуны» чуть изменился. Подо мной был каменистый берег горной речушки. Я медленно летел вдоль реки, разглядывая живописные отвесные скалы по левому борту. Альтиметр показывал пятьдесят метров. Я осмотрел приборы, мне казалось, что все в порядке. Температура двигате-

ля чуть выше нормы. Но в целом в пределах допустимого. Тут река сделала прихотливый изгиб, и передо мной открылась уютная зеленая долина. Река падала в долину тридцатиметровым каскадным водопадом. Хлопья пены разлетались в разные стороны. Даже в герметичной кабине слышался гул низвергающейся воды. Я чуть прибавил скорость и направил аэромобиль в центр открытой мною долины. Позже, когда я анализировал произошедшее, я пришел к выводу, что альтиметр, работающий на принципе эхолота, ввел меня в заблуждение. На дисплее была высота восемьдесят метров. Именно столько было от днища машины до земли. А на самом деле, пробираясь в горы, я незаметно, но неуклонно поднимался над уровнем моря. Воздух становился все разреженнее, и система охлаждения перестала работать эффективно. Прибавив мощности плазменному двигателю, я привел ситуацию к катастрофе. Для меня эти пара секунд выглядели так: вдруг заморгали все красные лампочки на пульте, зазвучала сирена. В следующую секунду компьютер катапультировал двигатель. Двухтонная «Фортуна», лишенная вертикальной поддержки, довольно резко устремилась вниз. Я только успел ойкнуть, как компьютер выпустил аварийный парашют из отсека в крыше. Меня хорошенько потрянуло, и потом начался вполне комфортный спуск. Так что все системы отработали на удивление отлично. Дальнейшее можно было бы назвать просто невезением. Двигатель таки взорвался. И осколки изрешетили корпус, когда я был уже по-

чти у самой земли. Один прошил мне икру правой ноги, второй зацепил плечо. И еще один перебил крепежные тросы парашюта. Последние метры «Фортуна» просто падала. Потом раздался глухой удар, скрежет металла, и я отключился. Очнулся я в противоперегрузочном кресле, ногами вверх, с кусочками каленого стекла на груди. Во рту соленый привкус крови, голова гудит, а надо мной синий небосвод. Я слабо улыбнулся. Теперь я точно не вернусь...

Старый Хоб нашел меня часа через полтора.

– Ну и грохоту же было! Всех овец мне распугал, – высказал он претензию. – Я Хоб. Некоторые называют меня Старый Хоб.

– Дерек. Дерек Джеральд фон Кроуз.

– Во как? Фон Кроуз? – Старик исчез из поля зрения. Что-то заскрежетало, потом бухнуло. Я повернул голову направо и увидел дверцу, валяющуюся на траве. Ремни безопасности заклинило от удара, и Хоб перерезал их большим охотничьим ножом. Лезвие ножа было тусклым и темным. Почему-то я сразу понял, что Хоб сделал его своими руками. Впрочем, как и грубую куртку из толстой кожи.

– Давай-ка, малыш, помоги мне чуть-чуть.

Хоб потянул меня наружу, а я, как мог, уперся здоровой ногой и перевалился через борт «Фортуны». Оказавшись на траве, я перевел дух и сел, разглядывая окружающие долины горы. Пахло хвоей и волшебной первозданной свободой.

В мою память вдруг вернулся отрывок из далекого детства: я стою перед наряженной елкой и мое маленькое сердце переполняется ощущением грядущего счастья.

Через пару часов мы сидели у очага на стоянке Старого Хоба. Округлые бока речных валунов потемнели от бесчисленных костров. Языки пламени облизывали закопченное дно подвешенного котелка, в котором булькало какое-то варево. Неподалеку паслась отара из двух десятков овец. Рыжая шелти бдительно наблюдала за отарой, изредка поводя острыми ушами.

– Это Лея. Она умница. – Хоб махнул в сторону собаки. – Прекрасно справляется без меня. Как нога-то? Не сильно болит?

– Уже почти нет, – ответил я. Воспользовавшись стандартной аптечкой из аэромобиля, Хоб довольно ловко залатал меня.

– Сегодня в деревню не пойдем. Во-первых, дотемна не успеем, а во-вторых, тебе надо чуток отдохнуть, пускай раны хоть немного затянутся.

Я кивнул. В это самое время нанодвигатели, посаженные мне в кровь еще десять лет назад, работали на полную мощность. Они восстанавливали поврежденные ткани, синтезировали необходимые ферменты, мобилизуя организм на активную регенерацию. Пару дней – и я буду как новенький. Я сидел на огромном овчинном тулупе (кажется, так это назы-

вается), привалившись спиной к толстому бревну, щурился от дыма костра и чувствовал себя абсолютно покойно. Хоб неторопливо открыл дверцу небольшой хижины и принес оттуда две тарелки и две ложки. Поставил это на траву подле меня и снова вернулся в хижину. Сквозь плетеные стенки внутренности крохотной постройки были прекрасно видны. Два гамака, полки на стенах и много подвешенных матерчатых мешков. Видимо, с пищей. Так и есть. Хоб достал из одного мешка краюху хлеба, захватил с полки две кружки и направился к очагу.

– Да это я так, больше для развлечения делаю, – ответил он. Я удивленно разглядывал глиняные миски, которые принес Хоб. Сейчас такое можно увидеть только в музее, правда кто в них ходит?

Уже начало смеркаться, когда Хоб разлил наконец суп по мискам. Такой вкуснятины я не ел, наверное, уже лет двадцать. Настоящий суп из баранины. Картофель, морковь, лук! Все было настоящим, не сублимированным. Я уж не говорю про мясо. Сытый и довольный, я отвалился на свое бревно, прихлебывая из большой кружки травяной чай. Надо мной было глубокое, темно-синее небо с мириадами звезд. Млечный Путь мерцал молочной белизной, а Хоб рассказывал про свою деревню:

– Нас уже шестьдесят восемь. Разводим овец. Есть коровы, куры, козы, ну, и прочая живность. Я ведь раньше тоже в городе жил. Главным механиком был на заводе. Если что из

железа сварганить – это ко мне. – Хоб довольно ухмыльнулся. – Мы все стараемся делать сами. В тридцати километрах военная база. Мы у них продукты на лекарства меняем. Ну, иногда одежду берем, обувь, инструменты, мелочовку разную. А так – все сами. Я вот, видишь, – Хоб потерял пол куртки, – даже портняжничать начал.

Старик хохотнул и встал, разминая косточки.

– Лея, малышка! Иди сюда, умница моя, поешь. – Овцы мирно дремали, сбившись в кучу, и собака, оставив свой пост, подбежала к костру. Она осторожно обнюхала меня и направилась к своей алюминиевой миске. После еды Лея снова подошла ко мне. Повиляла хвостом, ткнула мокрым носом в руку, и в моем мозгу вдруг вспыхнула яркая картинка: Томми – добродушный веселый Лабрадор. Я спускаюсь с красной пластиковой горки, а Томми скачет как сумасшедший вниз. Спуск. Я со смехом качусь кубарем по траве, а Томми вертится вокруг, лижет меня в лицо шершавым языком. Живот уже болит от смеха, я задыхаюсь, из глаз текут слезы, но я счастлив. И где-то рядом – мама. Я знаю, что где-то здесь, но в этой картинке ее нет. Пока нет.

В этот момент я и решил остаться. Жить под этим бесконечным небом, в окружении зеленых гор и журчания реки. По крайней мере, пока я не вспомню все.

Иногда над нашей деревней пролетают самолеты. Высоко. С земли виден лишь инверсионный след. Он медленно тает в

синем небе, и я, глядя на него, вспоминаю свою жизнь в Технополисе. Самолеты – это, пожалуй, единственное, что напоминает нам о высокотехнологичной цивилизации. Здесь у нас все по-другому. За прошедший месяц я уже почти освоился. Привык к масляным светильникам. Приучился умываться холодной водой из деревянной кадлушки у колодца. Я живу у Старого Хоба. Его дочь Джейн первое время присматривала за мной. Помогала привыкнуть к простой размеренной жизни. Джейн поразительно напоминает мне Лору. Не внешностью, нет. Чем-то другим. Может, покладистым характером или забавной привычкой растягивать слова при разговоре. В общем, она мне нравится. И, похоже, я ей тоже. Во всяком случае, Хоб уже раза три туманно намекал о постройке моего собственного дома. И что с хозяйкой этого самого дома проблем у меня не будет. Пока я всему учусь. И чувствую себя глупым неумехой. Поражаюсь тому, насколько беспомощен цивилизованный человек. Хоб научил меня колоть дрова, разжигать в печке огонь, стрелять из ружья, точить нож. И еще сотне разных нужных вещей, которые я никогда прежде не делал. Сегодня мы идем удить рыбу. Хоб обещал научить меня насаживать червя на крючок, подсекать рыбу, когда клюет, ну и еще там какие-то премудрости – я все не запомнил. Временами меня слегка гложет тоска по дому. Не по городу в целом, а конкретно по моей конуре. Хочется оказаться в своей мягкой кровати с подогревом и вибромассажем. Принять душ, посидеть на крохотной кухне,

может, погонять с ребятами из «Диких Койотов». Но в конце концов, я ведь всегда могу вернуться, дверь-то я оставил открытой. А сейчас я пойду постигать секреты рыбалки. Завтра Хоб покажет мне еще что-нибудь новенькое. Надеюсь, я открою для себя много интересного. Мир ведь так огромен!